

Мое кино 1984, №11

Тридцать человек молча поднялись со своих мест. Сели.

В девятом «Б» шел «классный час». За учительским столом сидела в торжественной строгости Валентина. Я показал ей жестом, чтобы она не беспокоилась, и устроился за последним столиком, рядом с Бодянским. Весельчак был сейчас странно серьезен, и вся атмосфера в классе, как я уже почувствовал, была серьезной, с холодным ветерком тревоги и значительности. Речь держала Наташа Черкунова. Она продолжала стоять, когда все сели, и, подождая, произнесла:

— Я считаю, что Игорь в отдельных случаях бывает неправ.

— Ну-ну? — сказала Валентина. — В чем неправ?

— Неправ, — повторила Наташа. — Неправильно относится к товарищам.

— К кому неправильно? К тебе? — спросил мой сосед Бодянский.

— При чем тут я? В его поведении за последнее время проявляется зазнайство. По отношению к классу, — добавила Наташа не совсем уверенно, словно отвешала урок.

— Например? — спросила Валентина.

— Например, — повторила Наташа. — Когда мы делали классную стенгазету, попросили его помочь. Он в прошлом году рисовал, а в этом году сказал, что не будет, что это, мол, для него пустая трата времени. — Не говорил! — заявил Бодянский.

— Говорил, — сказала Наташа.

— У нее с памятью что-то.

— У тебя с памятью!

— Говорил, говорил, — подтвердил сам виновник, Игорь Кольцов, повернувшись к Бодянскому и тем самым — ко мне.

— Встань, пожалуйста, — сказала Валентина.

Итак, начиналась, а вернее, продолжалась одна из самых неприятных процедур школьной жизни, обставленная на этот раз со всей серьезностью и, как видно, даже подготовленная заранее. Виновник уже стоял на виду, готовый защищаться или раскяться. В таких обсуждениях, может быть, и есть свой смысл; одних они приучают отвечать за свои поступки, других — высказываться не за спиной, а вслух, что тоже полезно. Сейчас говорила Валентина:

для тебя — делить людей на две категории. Одни — это, значит, плебеи, а другие — элита. Для одних существуют интересы школы, всякие там презренные обязанности, стенгазеты и прочее, а другие могут иронически поглядывать на это с высоты своего интеллекта!

Сценарий кинодраматурга Анатолия Гребнева «Расквас от первого лица. (Дневник директора школы)», отрывок из которого мы сегодня публикуем, журнал «Искусство кино» уже начал печатать в своей ноябрьской книжке. Окончание — в следующем, декабрьском номере. Но мы надеемся, что не лишним читателям удовольствия прочесть эту киноповесть целиком, поскольку она, по самой своей дневниковой форме, состоит из ряда более или менее самостоятельных новелл. И сцена в классе не станет ответом на вопрос: «Чем кончилось?». Кроме того, этот эпизод представляется нам достаточно любопытным и сам по себе.

Анатолий ГРЕБНЕВ:

РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

— Ну, в общем это не так далеко от истины, — заявил неожиданно Игорь. — Я лично, если вас интересует мой взгляд, выше всего ценю интеллект, то есть, попросту говоря, умных людей. Их, к сожалению, меньше.

— Ты подсчитывал? — усмехнулась Валентина.

— Зачем подсчитывать, это известно и так. Вы сами преподаете историю, а уж история дает нам сколько угодно примеров...

— Примеров чего?

— Примеров того, что умных людей, к сожалению, всегда меньше, чем не совсем умных, так их называем...

Бедный мой Игорь! Неразумная гордыня и упрямство молодости, непонятные нам, старшим, уже несли его на своих парусах неведомо куда.

— Ну и к каким же ты причисляешь себя? — спросила Валентина словно бы нарочно, чтобы он тотчас ответил:

— Вы знаете, к умным, как ни странно.

— Умным людям свойственна прежде всего скромность.

— Ну, не всегда.

Маша Поплавская — мы встретились... взглядами — смотрела на меня с тревогой и мольбой. Теперь я уже понимал, зачем она искала меня там, в учительской.

Наступила пауза. Настроение класса заметно менялось.

— У себя, старик, неправильная позиция, — сказал Володя Куделин. — Нельзя так себя противопоставлять. Одни такие, другие — сякие. Так, знаешь, недалеко до Раскольников.

— А он уже присмотрел одну старушку! — заявил Бодянский.

Дружный смех. Смеяться

— Это мой недостаток, — сказал с вызовом Игорь.

— Что твой недостаток?

Спор опять обострился. Валентина разжигала его сама, на свою же голову.

— Вы как хотите, чтобы я вам отвечал, Валентина Федоровна? — вдруг с серьезностью спросил Игорь. — Вы скажите, я отвечу, потому что все уже устали и хотят домой.

— Ты не дерзи.

— Я не дер... — Игорь запнулся, ища окончания глагола, — не дерзю, так можно сказать? Я не дерзю. — И это, конечно, было опять поводом для смеха. — Вы скажите, я что должен — покаяться?

— Прежде всего ты должен говорить с нами искренне.

— Вы считаете? А почему?

— А потому, что мы с тобой искренни.

— Не уверен.

Мы опять переглянулись с Машей Поплавской. Мы думаем сейчас об одном и том же.

— Перестань, слушай! — вмешался, не выдержав кто-то из ребят.

И Володя Куделин:

— Ты неправильно себя ведешь, старик! Делаешь хуже себе!

— Да, вероятно. — Игорь посмотрел в его сторону. — Как знать, хуже или лучше, кто это знает... А вообще, Валентина Федоровна, я не пойму, из-за чего весь сыр-бор? Неужели из-за какого-то несчастного поэта, творения которого изнаются раньше, чем его кожаный пиджак! Ну не нравится он мне!

— Поэт или пиджак? — спросил Бодянский.

— Пиджак как раз ничего... А впрочем, может, я ошибаюсь. Тут нам Борис Николаевич рассказывал, как современники не могли оценить друг друга. Даже Пушкина и то признали не сразу...

Все устали.

— Ты знаешь, Игорь, — сказал я внушительно, — кто-то здорово заметил, что принципиальность — это такое оружие, которое следует держать в чехле. Не надо бряцать им на каждом шагу. Ты, надеюсь, понял меня.

— Да. Спасибо.

Черт побери! Все не те слова!

— Я ведь очень ценю твои способности. (Вижу лицо Маши Поплавской). И Валентина Федоровна тоже, можешь не сомневаться. (И каменное лицо Валентины). И тем более нам не хотелось бы, чтобы о тебе сложилось нелестное мнение. И, в частности, у твоих товарищей. А ты даешь к этому повод!..

— Я думаю, вы ошибаетесь, — заметил холодно Игорь. — И, в частности, не считайте моих товарищей... Остановись, Игорь! Еще

немного, и я уже не смогу тебя защитить.

— ..Вы, во-первых, не знаете, что они думают обо мне на самом деле. Они вам этого не скажут и не напишут в сочинениях...

— Вот ты какого мнения о своих товарищах! — сказала громко Валентина.

— Хорошего мнения. У нас в классе умные люди. Может быть, немножко инфантильные, но не все, и это пройдет...

Это было уж слишком, и он это чувствовал и посмотрел на одноклассников, чьи лица сейчас замерли. Но остановиться уже не мог.

— А во-вторых, вы сейчас давите на них своим авторитетом. Кому охота получать в конце школы плохую характеристику!

— Остановись, хватит! — оборвал я его, но поздно: в классе поднялся шум, ситуация обострилась и, может быть, непоправимо для Кольцова.

— Ты кого имеешь в виду? — кричал Куделин. — Нет, уж пусть он скажет до конца, дайте ему высказаться!

— Пусть говорит.

— Да хотя бы и тебя, Вова, — повернулся к Куделину Игорь.

— Тихо! — хлопнула по столу Валентина.

— Я думаю, мы сейчас прекратим этот разговор, — сказал я и поднялся.

— Да нет, почему же, Борис Николаевич, — сказал в наступившей тишине Бодянский. — Пусть он скажет, что он о нас думает. Даже интересно. Давай!

— Замолчи, Бодянский! — крикнула с места Маша.

И грянул смех. Вот поди, знай, когда и отчего они засмеются в девятом классе. Смеялись звонко, дружно, на этот раз без меня и Валентины.

И вдруг все опять изменилось. Я, кажется, первым увидел выражение муки на лице Игоря и слезы на его глазах. Он почти оттолкнул соседа и, выбравшись из-за столика, бросился вон из класса. Все это произошло в несколько секунд, и смех не сразу стих, а затем мы остались в странной, пустой, нелюбовкой тишине.

— Все свободны, — сказала Валентина.

Мы шли рядом, директор и завуч, с сознанием выполненного долга. Спустились по лестнице. Наверное, у меня был убитый вид. Валентина взглянула на меня раз, и потом еще раз, как на человека, которого следует утешить. И она сказала:

— Ничего-ничего, полезно. Немножко сбить с него эту спесь.

Я кивнул ей. Остановился. — Это не спесь. Это гордость, — сказал я в отчаянии. — Зачем ее сбивать?

И дальше, не глядя, пошел один, оставив ее на лестнице.